

*...именно так являются
призраки ненаписанных книг.
Умберто Эко*

Четыре проблемы Степы

«...Пятьдесят процентов романов начинаются с описания природы, тридцать процентов — с описания внешности главного героя, двадцать процентов — с описания прямо здесь и сейчас происходящего события, десять процентов — с диалога, и еще десять — с философских размышлений автора. И вот не надо, пожалуйста, говорить, что вышло более ста процентов! Разве мировая литература может уместиться в пределы какой-то жалкой сотни?..» Начало этой невероятной истории — и философские размышления, и прямая речь героя одновременно. Все, что вы прочитали до этого, — мысли очень умного, очень прилежного школьника Степана Тутышкина. Он прекрасно разбирается в математике (еще бы, у него восемь репетиторов!) и при этом совершенно не умеет писать сочинения (мама говорит, что он будет экономистом и литература — пустая трата времени). Поэтому, сидя перед белеющим, как январский снег за городом, монитором, он от руки, по старинке, на клетчатом (как мамина

юбка) листе бумаги выводит статистику различных «начал» великих произведений. А поскольку у Степана восемь репетиторов по математике, он в уме уже подсчитал, как начинаются прочитанные им романы из школьной программы.

Как же начать сочинение? Сочинение на небанальную тему: «Образ Дубровского». Степан услышал, как скрипнула входная дверь. Это мама заглянула, в своей клетчатой, как тетрадный лист, юбке. С тех пор как мама и папа развелись, двери везде скрипели — их никто не смазывал.

— Мам, а почему Дубровский на самом интересном месте закончился? — спросил Степа.

— Не помню, посмотри в интернете, — ответила мама, энергично расчесывая свои длинные каштановые волосы.

— Ма-ам, — протянул Степа, — а можно я к папе съезжу?..

Его родители развелись два года назад. Степану тогда было десять лет, и он до сих пор не мог поверить в то, что мама и папа больше не живут вместе. Каждое утро, просыпаясь, он, еще не включив мозг на полную мощность, был уверен, что папа на кухне, как обычно, готовит кофе. Ему чудилось, что он, Степан, встанет, пойдет в ванную и услышит недовольный голос отца: «Поживей, я опаздываю!» И каждое утро, вот уже два года, Степан искренне удивлялся, что на кухне не пахнет папиным кофе, да нет и самого папы.

Степа часто вспоминал последний счастливый вечер в их семье. Нет, развод последовал вовсе не после этого вечера, еще год, а то и два они жили вместе как не очень счастливая не очень семья, но... все же причудливым образом память запечатлела тот вечер как *последний вечер* в жизни их семьи. Папа, мама и Степа собирались в театр. На пьесу Чехова «Вишневый сад». Степе ужасно нравилось это название — от него во рту становилось сразу сладко и терпко. В этот вечер мама надела прекрасное длинное платье вишневого цвета. И, глядя на красивую маму, на счастливого папу, Степан даже отказался от предложенных конфет — и так было очень-очень сладко, даже чересчур. Правда, тогда папа, восхищенно оглядев маму, все же сделал ей робкое замечание:

— Любимая, а тебе не кажется, что ты платье надела задом наперед?

Степа, внимательно оглядев маму, решил, что папа прав. Спина у мамы была обнажена, и были видны завитки светлых волос от высокой прически, а вот спереди шею закрывал высокий стоячий ворот. Папе почему-то показалось, что должно быть наоборот. Мама в ответ на это рассмеялась и упрекнула папу в том, что он ничего не понимает в моде и ни одна женщина не надела бы платье наоборот. Потом они все втроем, взявшись за руки, пошли в театр. Степан был, конечно, посередине — и навсегда запомнил это счастливое ощущение, когда слева папина сильная и горячая

рука, а справа мамина — чуть скользкая от крема и всегда холодная. Счастье! Степану все это припомнилось сейчас, когда он смотрел на пустой лист бумаги.

— К папе? — переспросила мама. — Зачем?

Мама спросила резко и нервно. Ее голос всегда становился таким, когда речь заходила об отце.

— Ну зачем-зачем! Не обнять же его, правда? Чтобы он мне помог сочинение написать.

Дело в том, что отец Степана был бухгалтером и почему-то очень хорошо умел писать сочинения не только за Степана, но и за его одноклассников. Дело в том, что Степан носил очки. Он был единственным очкариком в классе. Со всеми вытекающими из этого последствиями. И потому сделать что-то приятное для одноклассников означало сделать что-то приятное и для себя. Будут меньше бить. И сломанных очков будет на десять процентов меньше. Этот год выдался для Степана очень сложным. Он, с присущей ему любовью к статистике, даже пронумеровал все свои несчастья. Получилось:

1. Развод родителей.
2. Нужно носить очки.
3. Ни одного очкарика в классе, кроме меня!
4. Я — отличник.
5. Друзей нет, а мама не покупает собаку.
6. Не дали роли в пьесе.

Мама, конечно, не видела листок с шестью несчастьями, но она и так о многих знала. Пятую

беду она, конечно, за беду не считала: Степану уже все было высказано по этому поводу. Что-то вроде предсказуемого: «Собаку купят тебе, а убирать за ней буду я? И не надо говорить, что ты все сам! Ты и за собой-то не убираешь — вон весь стол захламил. Да и вообще, ни у тебя, ни у меня нет времени на собаку. Она еще тут все и загадит...» И все в таком духе.

А о шестой беде мама даже и не догадывалась. В школе ставили к Новому году спектакль по мотивам пушкинского «Дубровского», и Степану не досталось роли. Ему предложили сыграть роль дуба, в дупле которого Дубровский оставил кольцо для Маши. Более того, препод театрального кружка даже пытался успокоить Степана, уверяя его, что дуб — очень важный персонаж, и вообще фонетически дуб и Дубровский слова однокоренные, а значит, роль дуба и роль Дубровского тоже однокоренные и равные по значению.

Степу все это не очень убедило, и он гордо отказался от роли дуба, которая по наследству перешла Степиному соседу по парте — Юрику. Самое обидное, что по итогам зрительского голосования Юрик в роли дуба был признан лучшим и получил в подарок... собаку! Прекрасного вислоухого щенка с бодрым, виляющим, как у заводной игрушки, хвостиком. Это уже было слишком для и без того разобиженного на весь свет Степана — он ведь так сильно хотел собаку! Теперь Степа никак не мог решить — это седьмое несчастье?

Или оно как бы входит в пятое и шестое? А если это несчастье разделить, то их получается уже целых восемь! Нет, это слишком много для одного Степы. Пусть все остается как есть. В конце концов, дело ведь не в том, что у Юрика *есть* собака, проблема в том, что у Степана ее *нет*.

Впрочем, обо всем этом мама не знала. Степа не то чтобы скрыл, а просто не рассказал. Да и потом, маму волновало только то, что связано с оценками, с экзаменами... Какое ей дело до дуба и Дубровского?

Мама закончила расчесывать волосы и неожиданно весело сказала:

— А ты можешь вообще не дописывать это сочинение.

— Почему? — настороженно спросил Степан. Мама никогда не славилась легкомысленностью по отношению к учебе.

— А потому. Ты переходишь в другую школу. Лучшую математическую школу, первую в рейтинге. Так что собирайся, нам пора.

— В школу? — удивленно спросил Степа.

На часах было уже четыре — не лучшее время для посещения школы. Мама всегда умела удивить. Вот точно так же она когда-то вошла в комнату Степана и сказала: «Иди закрой за нами. Мы с папой пошли разводиться». Мама умела удивлять. Не всегда приятно.

— Да нет же, к окулисту. Ты забыл? Мы запишаны!

Степа надел купленную мамой дутую красную куртку, которую он ненавидел, и через час уже сидел в кабинете врача — ухоженной белокурой дамы, которая указкой показывала на буквы.

— Что ж, у меня для вас хорошая новость, — врач разговаривала с мамой, как будто Степана здесь не было, как будто эта новость его не касалась. — Зрение пришло в норму, и очки больше не нужно носить.

— Как это кстати! — мама даже раскраснелась от радости. — Мы как раз переходим в новую школу... Сами понимаете, какими дети бывают жестокими... Это чудесно! В новую школу без очков!

Когда мама и Степан уходили от врача, мама громко сказала Степану: «Попрощайся!» Она всегда говорила ему: «Поздоровайся!», «Попрощайся!», «Поблагодари». Может, это и имело смысл первые три года жизни Степана, но сейчас, в двенадцать лет, Степан бы и сам догадался сказать «До свидания!», без маминой шпаргалки.

...И все-таки забыть о сочинении не удалось. На следующий день пришлось его писать прямо в школе, что для Степана было катастрофой. Рядом с ним сидел Юрик (он в классе занимал первое место по насмешкам, второе было отдано Степану, или, по другому рейтингу, — Юрик был последний лох в классе, а Степан предпоследний). Дело в том, что Юрик был молчаливый, мечтательный, на переменах читал книги (настоящие, бумажные, со страницами, что само по себе экзотика),

немного заикался и вообще сильно отличался от других ребят — поэтому его и задирали. Два аутсайдера — Юра (тихоня) и Степан (зубрила) сидели вместе. Не потому, что они дружили. Просто у них не было выбора.

Минут двадцать драгоценного времени Степан смотрел в окно, грыз ручку, пытаясь что-то придумать, а потом глаза сами собой стали косить влево, а рука сама собой начала списывать те же слова (которые складывались в предложения), что красовались в тетрадке Юрика. Степа очень хорошо умел косить глаза. Он научился этому у мамы — не раз Степану приходилось наблюдать, как, сидя, к примеру, в театре, папа пишет какую-нибудь эсэмэску, а мама с невозмутимым видом косит глаза в сторону телефона.

Надо сказать, что Степан был более прилежный, чем мечтатель Юрик, и поэтому в своем списанном сочинении исправил несколько ошибок Юрика, чуть-чуть переделал предложения, переставил местами абзацы — в общем, неумело и бездарно заметал следы.

Следы, конечно, остались. Варвара Петровна — молодая и хитрая учительница, которая на раз раскусывала тех, кто списывал из интернета (ребята уже бросили это бесполезное занятие — лучше с Варваркой не связываться), конечно же, догадалась, что сочинение списано. Не из интернета. Из чужой головы. Вот только кто у кого списал: Степа у Юры или Юра у Степы? Две

фамилии — тихони и зубрилы — были названы ею очень строгим голосом.

— Тутышкин и Ступин. Юра, дорогой мой (она почему-то всегда говорила «дорогой мой», когда злилась), чтобы грамотно списать, нужно быть отличником.

Варварка решила этот спор в пользу Степы. Далее она указывала на смехотворные ошибки. Весь класс потешался над тихоней Юриком, а Степе было немного стыдно. Но только немного. Впрочем, эта история окончательно убедила его в том, что из этой школы пора валить.

Мама никогда не спрашивала мнения Степы — ни по поводу выбора куртки, ни по поводу выбора будущей профессии, ни по поводу выбора школы. Она все решала сама. За Степу все было решено еще до его рождения: он будет экономистом, как папа. Ведь все экономисты хорошо зарабатывают. Аргумент был железный и не раз приводился Степану как неоспоримый довод. Степа был послушный и исполнительный. И хотя в душе ненавидел точные науки, к неточным наукам он тоже не проявлял никаких способностей.

Короче, отличник Степа ненавидел все школьные предметы и, несмотря на стройные ряды пятерок, не ощущал в себе никаких способностей ни к одному предмету. Единственное, что он любил, — это читать рассказы Конан Дойля про Шерлока Холмса, а еще он очень хорошо подмечал незаметные на первый взгляд детали.